

Качество: чувство долга

ЛОШАДКА ДЛЯ ГЕРОЯ

Елена Дубровская

Всё случилось в тот момент, когда Евгений Александрович в школьном музее рассказывал ребятам из 4 «А» класса о детях-партизанах Псковской области, и кто-то громко запел, причем запел какие-то несвязные междометия. Класс расступился, и все увидели Оксану Колесову, которая с большой самоотдачей подпевала кому-то, певшему в ее наушниках. Под хихиканье одноклассников Оксана провизжала последнюю ноту и открыла глаза. Оценив обстановку, она спокойно вынула наушники и убрала их в карман.

– Оксана, если тебе не интересно слушать о твоих же ровесниках, которые воевали наравне со взрослыми, то ты должна хотя бы вести себя на уроке подобающим образом.

– А я вам ничего не должна. Это вы должны вызвать у меня интерес к своей истории.

Евгений Александрович – один из немногих, кто после недавнего окончания педагогического университета вернулся в родной Псков и пошёл работать в обычную общеобразовательную школу преподавателем истории. Потому что он точно знал, что всё начинается с детей, и верил, что у него получится зажечь в них любовь к истории. И вот он, выпускник с красным дипломом, истинный патриот, глубоко знавший и любивший историю родного края, стоит и не знает, что ответить этой одиннадцатилетней девочке.

«Сколько их, маленьких и больших, кто считает, что им все должны? И что тогда для нас чувство долга? Его не объяснить, его нужно найти в своём сердце: там и Любовь к Родине, и Мужество, и Сила, и Сострадание, и Вера. Но разве я сразу всё понимал? Разве мне, мальчишке, не помогли, когда я всё отрицал и ни во что не верил? Тётя Люба! Конечно, только она сможет помочь!» – эти мысли пронеслись в голове Евгения Александровича так быстро, что пауза не казалась долгой, но пауза была. Стояла исключительная тишина, в которой двадцать пять пар детских глаз ждали ответа.

– Понимаешь, Оксана, о вопросе о том, кто и кому должен, можно рассуждать, только если все знают, что такое долг. Вот ты ходишь в школу и, конечно, должна соблюдать правила и нормы поведения, принятые в школе. А есть ещё один долг, который не ограничен правилами, он живёт внутри человека, рядом с его совестью. Вот эти мальчишки и девчонки, – Евгений Александрович показал на стенд с фотографиями маленьких партизан, – не думали о том, что они ещё не подросли, что ещё рано идти защищать Родину, что и без них справятся.

Они просто шли и защищали, хотя от них никто этого не требовал. Никто, только собственное чувство долга. Они не могли поступить иначе, а если потребуется, они готовы были отдать свою жизнь за Родину, – Евгений Александрович замолчал и посмотрел на ребят.

Кто-то слушал с широко открытыми глазами, в которых читалось понимание, а кто-то наигранно изображал интерес.

– Все свободны. А ты, Оксана, пожалуйста, задержись. Для тебя есть дополнительное задание...

– Почему мне? Теперь мстить будете?

– Что в твоей голове? Учителя не мстят своим ученикам, это противоестественно. Учителя помогают, заботятся и направляют. Поэтому ты пойдёшь в военно-исторический музей и найдёшь там Любовь Петровну Золотарёву, она поможет собрать весь необходимый материал...

– А если я не пойду?

– Думаю, что из-за своего характера портить четвертную оценку неразумно, – Евгений Александрович встал и вложил в руки Оксаны сложенный лист бумаги, на котором написал, к кому ей надо обратиться в музее и тему презентации.

– Любовь Петровне скажешь, что я попросил помочь. А через неделю ждём твои истории о детях-партизанах.

В музее её направили через все залы в какой-то отдаленный кабинет, где работала Любовь Петровна Золотарёва. Она оказалась старшим научным сотрудником музея и к тому же очень доброй пожилой женщиной. На столе, за которым она сидела, стояла довольно большая деревянная лошадка-качалка, очень древняя, с большой трещиной посередине.

– Вы что, в музее старые игрушки собираете?

Любовь Петровна внимательно посмотрела на скучающую Оксану и ответила с доброй улыбкой:

– Это не простая игрушка, эта игрушка особенная. Я её назвала «лошадка для героя». Но об этом позже. Я сейчас пойду, поищу для тебя материал, а ты, чтобы не скучать, прочитай пока вот эту тетрадку, это как раз по твоей теме.

– Я не скучаю, мне есть чем заняться, – Оксана вытащила из портфеля телефон и наушники.

– Понимаешь, я что-то плохо видеть стала, – наверное, на пенсию пора, некоторые слова разобрать не могу. А ты молодая, глазки у тебя хорошие. Помоги, пожалуйста. Смотри, тетрадка тонкая, много времени не займёт. А как слово, подчёркнутое карандашиком, увидишь, на листочек его выпиши.

Оксана с неохотой придвинула к себе тетрадку.

– Спасибо тебе. Постараюсь не задерживаться, – Любовь Петровна взяла с собой пару книг и вышла за дверь.

Оксана вяло открыла тетрадку. Страницы тёмные, почти коричневые, написано карандашом, но почерк ровный, красивый, поэтому читалось легко. Она не думала, что тетрадь заберёт её полностью, а эта история десятилетнего Феди Белозёрова изменит и её жизнь, и её саму.

ТЕТРАДЬ ФЕДИ БЕЛОЗЁРОВА

Сегодня мне исполнилось десять лет, и мне в партизанский госпиталь принесли в подарок кусочек сахара. Обещаю, что это будет моим самым дорогим подарком на всю жизнь. Доктор сказал, что ноги обморозило сильно, но он попробует их спасти, только пальцы на одной ноге придётся ампутировать. Зато теперь я могу разговаривать. Последний месяц я не мог этого делать...

Когда в деревню вошли каратели, мужиков уже почти не было: кто на фронт ушёл, как мой батя, а кто в партизаны подался... Старики рассказывали, что деревни горят, детей заживо жгут, гады! Маму мою расстреляли, старшего брата повесили, а нас с Матвеем бабка Евдокия спрятала в погребе. Каждый день мы слышали выстрелы и крики. Сидели три дня, было очень холодно, страшно и хотелось есть. Но тогда я ещё не знал, что такое холод и голод. Потом, когда каратели ушли, и только полицаи остались, мы вылезли.

Как же я хотел партизанить! И как завидовал мальчишкам, кто ушёл в партизаны вместе со своими братьями и отцами. А я в течение двух лет с начала войны был лишь проводником партизанских диверсионных групп, проходивших через нашу деревню, но кое-чему за это время у них научился. И вот я решил, что пора мне на задание. Главное было выбраться из деревни и добежать до леса.

Матвей совсем маленький, бабка Евдокия его прокормит, а мне надо нашим помочь, чтобы этих фашистов ни одного на Земле не осталось. Решил, что стану разведчиком, но просто так взять и прийти в партизанский отряд я не мог: «Здрасьте! Возьмите меня

в разведчики». Я должен был доказать, что достоин им стать. Должен принести сведения, необходимые нашей армии. Пока я шёл по лесу, поставил себе задачу: прийти в поселок, пробраться в управу, выкрасть бумаги, а по пути считать по деревням, сколько где немцев, полицаев и орудия. Память у меня хорошая, поэтому буду всё наизусть учить, а чтобы не вызывать подозрения, надо немым дурачком сделаться. У нас в деревне был такой глухонемой Ефимушка, мы его с ребятами передразнивали, теперь вспоминать стыдно. Ефимушку немцы в первый день, как в деревню зашли, расстреляли. Он по дороге шёл, а фриц его окликнул. А как же Ефимушка обернётся, он же глухой. Вот фашист по нему пулеметной очередью и прошёлся. Как вести себя, я знал – как Ефимушка, а чтобы не проговориться и чего не выдать, если немцы меня поймают и пытаться будут, решил себе посильнее язык прикусить. Кусать было очень страшно, и не получалось долго. Тогда я поглубже засунул язык между зубами, подошёл к ветке, что покрепче и пониже росла и со всей силы прыгнул на неё подбородком. Боль была такая, что не рассказать, а кровищи натекло целое море. Чтобы её остановить, язык в снегу держал. Зато во рту так распухло, что я ни говорить, ни есть уже не мог. Мне того и надо было.

В поселок С. я пришёл уже затемно. Надо было проскочить через улицу и найти незакрытый сарай, чтобы переночевать. Это я сделал быстро и бесшумно, но вот только ночью у меня начался сильный жар и озноб. Уже смутно помню перед собой доброе лицо женщины, помню, как она мне давала пить какой-то отвар травы, чтобы жар спал. Звали её тётя Катя, и её мне никогда не забыть.

Я очнулся оттого, что в меня тыкали автоматом, и немец на плохом русском кричал мне в лицо.

– Партизан? Говори! Партизан?

Подбежала тётя Катя и стала говорить, что какой я партизан? Я её племянник, немой Егорка, что деревню мою сожгли, и теперь я у неё жить буду, а сейчас болею шибко, могу и заразить. Немец ушёл, а тётя Катя подошла ко мне, поправила одеяло и поцеловала меня в лоб. Она сказала: «Спи, Егорка! Не бойся, они сюда часто приходят, привыкнешь». И в эту минуту у меня созрел план, как собрать сведения.

Через неделю я стал для них незаменимым. У тётки Кати они обедали и за травами приходили, если болели. Фашист только подумает, что ему соль нужна, а я уже рядом с солью стою. Обувь вычищу, газеты принесу, за кем надо сбегая, а сам всё считаю, считаю. В управу зайду, а на меня там уже внимания не обращают, знают. Хожу, мычу, а они ржут, передразнивают. Полицай Акимов меня подозревал, всё смотрел, выслеживал. Однажды я шёл

домой, а он меня около дома поймал, за шиворот схватил и давай трясти. Я свалился, так он ногами бьёт и говорит: «Заговоришь у меня, партизанское отродье, все вы у меня заговорите». И тут мне отец привиделся, как он меня маленького на лошадку сажал да приговаривал: «Ты, Федя, помни, что побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто идёт до конца». Вот Акимов меня бьёт, а я всё мычу и мычу. Когда язык заживать стал, я в рот соли набрал и ходил с ней, чтобы рана раскрылась, ведь уходить ещё рано было, нужно было всё на станции пересчитать. Да ещё две деревни соседние остались. Вот я и ждал удобного случая, чтобы меня кто-нибудь туда с поручением послал: или фриц, или тётя Катя с травами к больному. Иногда тётя Катя садилась и смотрела на меня внимательно – так, как будто догадывалась, зачем я здесь. А я не мог ей открыться, чтобы её не тронули, если меня поймают.

Раз я бежал из редакции с листовками, а меня соседская бабушка остановила и сказала, чтобы я домой не шёл, расстреляли тетю Катю. Слышу шум мотоцикла, крики, плач. Я за угол дома спрятался, а они мимо проезжали, а в люльке тётя Катя лежит, глаза мёртвые, открытые, всё лицо в крови, а в руки табличка вставлена: «Сегодня утром я оскорбила немецкого офицера». Не помню, как до леса добрался, уже темно было, мороз. Бегу, слёзы лицо заливают, ничего не вижу, а сам повторяю: посёлок – солдат 250, офицеров – 38, пулемётов – 10, машины большие – 3, мотоциклов 15... Станция – солдат 40... И тут нога в проталину провалилась. Упал, ногу не вытащить, защемило, а холодно так, что всё тело сводит. Чувствую, что здесь и помру. Лежал и думал, неужели всё? И к нашим не доберусь, и целый месяц зря сведения собирал, а ведь мог бы помочь им. А смерть тёти Кати? Неужели всё зря? И я просто умру в этом лесу один?! И тут всё в глазах туманом заволочло, батя сидит рядом и говорит: «И один в поле воин, если по-русски скроен». Вот я и зашевелился.

Главное было тогда дотянуться до палки покрепче, чтобы лед пробить и ногу вытащить. Смерть – она что там, в посёлке, что здесь, в лесу – всегда рядом ходила. Не поймёшь, где ближе. Ногу я вытащил тогда, только она была уже обморожена и не ходила совсем. В лесу не попрыгаешь на одной ноге, вот я и решил ползти. Буду ползти, пока наших не найду, или пока они меня не найдут. Очнулся уже здесь, в госпитале. Сразу попросил бумагу и подробно написал всё, что высчитал, что каждый день твердил и уже никогда не забуду, как не забуду этот кусочек сахара, тётю Катю и батю. Не забуду сожжённые деревни, людей на виселице, детский плач, крики женщин, пулемётные очереди и этот запах смерти...

А сейчас ко мне заходил сам командир партизанского отряда. Он обнял меня и сказал: «Спасибо сынок. Все сведения, что ты принёс, нам очень помогут. Теперь у нас полная картина. Так что поздравляю, разведчик Фёдор Белозёров. Считаю, что две жизни себе

заработал – эту и в памяти людской. А с такими мальчишками, как вы, мы фашистов обязательно победим. И придёт время, когда дети будут ходить не под пули, а в школу. И обязательно будут счастливы!».

Когда Любовь Петровна вернулась в кабинет, Оксана стояла у окна и смотрела на город, в который возвращалась весна.

– А он жив?

– Несколько дней назад умер.

– Значит, это его лошадка?

– Да. Из поколения в поколение, когда в семье Белозёровых рождался мальчик, его сажали на эту лошадку и говорили, что родился богатырь, защитник Земли русской. Такое посвящение в настоящего мужчину... А тут жена его сына решила её выбросить, потому что к новым обоям не подходит. Вот он и принёс в музей эту лошадку и тетрадь, чтобы сохранились.

– А его сын?

– Знаешь, дети не всегда похожи на своих отцов. У меня к тебе большая просьба: я договорилась с реставрационной мастерской, что они её приведут в порядок, подремонтируют. Видишь, какая трещина. А отнести надо сейчас. Не сможешь? Это близко.

– Хорошо.

Это была другая Оксана, совсем не та эгоцентричная девочка. Сейчас это был маленький удивлённый человечек, который открыл для себя что-то новое и очень важное.

Оксана шла по улице, а в руках у неё была деревянная лошадка, завёрнутая в пленку. И в тот момент, когда она думала, что эта лошадка и вправду придаёт силы и храбрости, позади раздался противный голос Саши Кротова из 6 «Б».

– Ой, а кто это здесь идёт? И что это нам несёт?!

Саша Кротов любил поиздеваться над детьми из младших классов. Сам по себе хилый и трусоватый мальчик, он чувствовал свою силу среди малышей. За ним, словно собачка, бегал Кирилл из 4 «Б» и делал всё, что тот скажет. Оксана как девочка независимая и не имеющая авторитетов с ними никогда напрямую не сталкивалась. Она и сейчас решила этого не делать. Не оборачиваясь, она прибавила шаг, но эти двое через секунду уже стояли перед ней. А в следующее мгновение Кротов вырвал из рук Оксаны лошадку и стал разрывать плёнку.

– Отдай! – Оксана кричала, вырывая свой драгоценный груз. – Отдай! Это не моя!

– А что же ты чужие вещи не бережешь? Отними! – Саша поставил лошадку на землю и попытался на неё сесть.

Оксана чувствовала, что её сердце сжимается в комок, а в голове зазвучали слова папы маленького Феди, которой, сажая на лошадку смешного мальчугана, приговаривал: «Расти сынок, героем будешь!». Оксана подбежала к Саше и с какой-то неведомой силой толкнула его с оглушительным криком:

– Не смей! Не смей на неё садиться! Ты не герой! Ты никогда не будешь героем!

Саша, не ожидавший такого толчка, полетел на землю, но нога зацепилась за старую треснувшую деревянную игрушку, и он свалился на неё. От удара лошадка разлетелась на множество частей.

– Ты чего?! Ненормальная?! – Саша поднялся и теперь вместе Кириллом недоуменно смотрел, как Оксана вся в слезах на коленках собирает деревянные кусочки. Саша подобрал одну из разлетевшихся деталей и протянул её сидящей посередине тротуара плачущей девочке. Но он не понимал, что для неё этот кусочек – символ отваги, смелости, чести и достоинства.

– Возьми.

– Он хотел её сохранить! Он её в музей принёс, чтобы сохранить. У него сын не такой, как он. И мы не такие.

Оксана сидела, всхлипывала и причитала, а Сашка застеснялся сам себя, и в его маленьком сердце зашевелилось что-то очень похожее на совесть. Он махнул рукой и ушёл. Кирилл постоял, помялся, не зная, что теперь ему делать, и решил убежать домой.

Через час у кабинета Евгения Александровича стояла Оксана, держа в руках все части старой игрушки, завёрнутые в плёнку.

– Простите, я не знала. Я не знала...

Солёные, горькие слёзы не давали говорить. Она плакала, потому что ей было жалко Федю Белозёрова и всех мальчишек-партизан; потому что у него вырос такой сын, который не смог стать героем и защитить отца; потому что она не уберегла лошадку, и теперь ей стыдно перед Любовью Петровной; но самое главное, что в сердце просыпалось что-то совершенно новое для Оксаны, и это было так больно, что только слёзы помогали ей пережить эту боль.

Они вместе поехали к реставратору. Тот обещал сделать всё возможное. А ещё Евгений Александрович позвонил своему другу, резчику по дереву, и через месяц в школьном музее стояла точная копия той Фединой лошадки, под которой была очень простая и трогательная надпись: «ЛОШАДКА ДЛЯ ГЕРОЯ».

Был прекрасный весенний денек, когда Евгений Александрович шёл из школы домой и увидел Оксану с Сашкой Кротовым, которые замазывали на доме чёрные некрасивые надписи. Они были так увлечены делом, что вздрогнули, когда учитель их окликнул.

– Молодцы! Хорошее дело делаете! И кто вам дал такое нужное поручение?

– Евгений Александрович, почему сразу поручили? Разве мы сами не можем?

Оксана так радостно заулыбалась, что заулыбался и Сашка Кротов, и Евгений Александрович, и весь город...